

ГАСТРОЛИ

Елина ЛЕВИНСКАЯ

На закрытие шестидневных московских гастролей «Коляда-театра» из Екатеринбурга в Центре имени Мейерхольда давали «Клаустрофобию». Перед началом постановщик, он же основоположник «Коляда-театра» Николай Коляда, уже заметно измученный гастрольной бессонницей, стоял в тюбетейке за стеклянной дверью на лестницу, курил и глядел, как мимо, на пятый этаж, радостно трубя и сверкая, текла столичная богема: на основной сцене открывался фестиваль британской «новой драмы» — и сам Марк Равенхилл приехал к нам из Лондона.

Кстати, именно пьесы Равенхилла, переведенные на русский в 1999 году, отодвинув грань дозволенного в театре, перелопатили у нас многих, в том числе автора «Клаустрофобии» Константина Костенко, поведавшего, как два зека в тюремной камере полюбили и убили третьего. Задолго до Равенхилла была у нас «Рогатка» Николая Коляды. Впервые — всерьез — о гомосексуальных отношениях — в журнале! («Современная драматургия» № 6, 1990 г.) Но Коляда писал о тоске по любви. Не тот уровень жесткости.

Хороша или нет пьеса Костенко — постановка Коляды поражает не тем, что персонажи говорят и делают, — это как-то теряется, слепленное в единый ураганно-энергетический ком, — а тем, как они смотрят. Больные волчьи глаза, кричащие об одиночестве. Сергей Колесов, Сергей Федоров, Евгений Чистяков, обреченные под ноль, играют не про изнасилование и убийство, а про ужас быть запертым — в клетку или в собственную немоту. Соглашаться с тем,

Ужас быть запертыми

Ласка, перепутанная с тоской

В МОСКВЕ ПОКАЗАЛ СВОЕ ИСКУССТВО ИЗВЕСТНЫЙ ДРАМАТУРГ И ПОСТАНОВЩИК ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА НИКОЛАЙ КОЛЯДА

что все мы, как одинокий ковбой Джо, на хрен никому не нужны, не очень хочется. Но заряжено мощно и сыграно сильно.

Москва узнала Николая Коляду в 1990 году. Бывший актер Свердловской драмы («я в 15 лет от дурости приехал из деревни поступать в театральное, до этого в городе-то

не был»), с 1983 года студент Литинститута («выгнали меня из театра за пьянку, ну я и поехал в Москву поступать») написал пьесу «Мурлин Мурло», а Галина Волчек поставила ее в «Современнике». Коляда прославился. Его пьесы — экспрессивно-грубые, экспансивно-нежные — пошли по стране, потом за

рубежом. В 2000 году он неделю читал лекции о современной русской драме в Оксфорде. (А не было ли там о ту пору Равенхилла?)

Второй раз Москва узнала Коляду, когда грянули пьесы его учеников — Олега Богаева и Василия Сигарева. Другие на подступах — Коляда в качестве главного редактора журнала «Урал», худрука собственного театра, а также руководителя драматургического семинара в Уральском институте, всемерно продвигает молодые дарования, поддерживая их даже финансово — из личных гонораров.

В третий раз Москва Коляду не узнала. Гастроли «Коляда-театра» вызвали противоречивые чувства — от разочарования в начале до восторга в конце. Открывались на другой сцене «Современника» одноактовой «Нежность» по поздней пьесе Коляды. Пришла Галина Волчек, известные артисты. Журналисты набегали. Слух о провале разнесся молниеносно, интерес к гастролям иссяк.

Посмотрим правде в глаза. И «Нежность», и следом сыгранный там же «Тутанхамон» оставляют тяжелое впечатление истощенности. Написано без усилия, без выделки, не выстрадано. Коляда — не творец одного шедевра, он человек-поток, рука сама пишет и отбрасывает. Без самоограничений, по принципу «глупо стесняться, если глупости снятся». Беда в том, что он и ставит так же. Без оглядки на гармонию и пропорции, без режиссерского чувства соразмерности. Пытаясь недостатки пьесы преодолеть за счет актерской экспрессии — наддай! Надорвис! Авось и выйдет по правде.

Выходит масло масляное. Искусственное нагнетание. Взвинченных сорокалетних дам в кошмарных розовых панталонах, мечтающих, как нимфетки, о Принце на белом коне, обливают водой, оплевывают, бьют по мордам. Дамы, размазывая грязь по щекам, стай-

ками ползают у ног единственного кандидата в мужья — жлоба и импотента. Если это балаган, то не хватает дистанции. Не смешно. А всерьез сопереживать этому невозможно. Дисгармония мира обернулась сценическим хаосом.

И только во второй половине гастролей, в Центре имени Мейерхольда, — на «Землемере» (1997 г.) и гоголевском «Ревизоре» открылся талант Коляды-постановщика. Благодаря хорошей литературной основе его стихийно-безудержная, бесконтрольная режиссура вдруг обрела форму. И блеснул первобытной новизной гоголевский текст. И поразил кафкианской отверженностью герой «Землемера». Все стало уместным, наполнилось смыслом — и заливаемые помоями домотканые половички, коврики с лебедями, жирная грязь в огромном корыте, которую дуры-бабы, блаженно улыбаясь, месят босыми ногами, а потом, задравши зад, гоняют тряпками по полу... Убогий российский провинциальный безысход. Сумеречный час, когда ласка перепутана с тоской.

Сочетая свой фирменно-грубый натурализм с символикой, Коляда прорывается за пределы обыденности. Зрелище обретает масштаб и удивительно проявляет актеров. Как хорош Хлестаков Олега Ягодина! Циничный столичный гад с кадилом на шее, наплевавший в душу простачкам из провинции, вырастает в гротескно-зловещую фигуру. А Ирина Ермолова! То шикарная красотка с ухватками порнозвезды («Амиго»), то жуткая дворничиха Рая с выбитым зубом («Землемер»). Не трупша, а какое-то собрание звезд.

«Коляда-театр» уникален, как уникален и сам Коляда. Важно не заикливаться на себе, ключ к развиту — в сопоставлении с тем, что делается вокруг. Да почаще приезжать на гастроли. И им полезно, и нам.